

- ства Северо-Запада России... С. 13, 23-24; Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М. 1956. С. 41, 44-45; История крестьянства в Европе. Т. 1... С. 326-327; Древняя Русь... С. 102.
- ¹⁴ Тимошук Б. А. Указ. соч. С. 125; История крестьянства Северо-Запада России... С. 13, 33.
- ¹⁵ Тимошук Б. А. Указ. соч.
- ¹⁶ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 243.
- ¹⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 252.
- ¹⁸ История крестьянства в Европе. Т. 1. С. 331-335.
- ¹⁹ Седов В. В. Указ. соч. С. 124.
- ²⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1962. Стб. 334.
- ²¹ Седов В. В. Указ. соч. С. 126; Фехнер М. В. Указ. соч. С. 278; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 99.
- ²² Древняя Русь... С. 60.
- ²³ Miller D. Monumental building as indicator of economic trends in Northern Rus' in the later Kievan and Mongol periods, 1138-1462//American historical review. 1989. Vol. 9. №2. P. 366-368.
- ²⁴ Там же С. 65.
- ²⁵ История Европы. Т. 2. М., 1992. С. 207. Крупнейший город Западной Европы того времени, Пиза, в 1233 году насчитывал 44 тысяч жителей. См.: История Италии. Т. 1. М., 1970. С. 208.
- ²⁶ Цит. по: Ключевский В. Указ. соч. С. 170.
- ²⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 296, 351.
- ²⁸ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII веков. М., 1982. С. 436.
- ²⁹ Изюмова С. А. К истории кожевного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65. С. 197.
- ³⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М. 1956. С. 56.
- ³¹ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 186.
- ³² Юшков С. В. Русская правда. М., 1950. С. 204.
- ³³ Правда русская. Ч. 1. Тексты. М.-Л. 1940. С. 377-378. Относительно датировки приводимых цен см.: Юшков С. В. Русская правда. М., 1950. С. 135; Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 41.
- ³⁴ Правда русская. Ч. 1. Тексты. М.-Л. 1940. С. 380.
- ³⁵ В конце XIX - начале XX века поденная плата относилась к плате за лето, как 1: 60, а оплата мужчин была в полтора раза выше оплаты женщин. См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII-начало XX века. М., 1974. С. 324; Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1982. С. 252.
- ³⁶ Юшков С. В. Русская правда. М., 1950. С. 135.
- ³⁷ Цит. по: Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв. М., 1976. С. 62.
- ³⁸ Пашуто В. Т. Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск., 1964. С. 65.
- ³⁹ НПЛ. С. 33.
- ⁴⁰ НПЛ. С. 39.
- ⁴¹ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 39; Подвигина Н. Л. Указ. соч. С. 62.
- ⁴² Древняя Русь... С. 56, 65, 84.
- ⁴³ Конечский В. Я. К истории сельского расселения и хозяйства в долине реки Ловать в эпоху средневековья // Новгород и новгородская земля. Новгород., 1992. С. 42.
- ⁴⁴ Там же; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 66.
- ⁴⁵ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования русского централизованного государства. М., 1965. С. 87.
- ⁴⁶ НПЛ. С. 51.
- ⁴⁷ НПЛ. С. 54.
- ⁴⁸ Псковские летописи. Вып. 1. М. 1941. С. 11.
- ⁴⁹ НПЛ. С. 67-68; Фроянов И. Я. Древняя Русь... С. 455-464.
- ⁵⁰ НПЛ. С. 69.
- ⁵¹ НПЛ. С. 70-71; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. М., 1963. С. 542.
- ⁵² Цит. по: Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 70.
- ⁵³ Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 70.
- ⁵⁴ Коновалов А. А. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания// Советская археология. 1966. № 2. С. 62; Изюмова С. А. Указ. соч. С. 197.
- ⁵⁵ Подвигина Н. Л. Указ. соч. С. 63-66., 134.
- ⁵⁶ Седов В. В. Указ. соч. С. 24, 126.
- ⁵⁷ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране. М., 1960. С. 38.
- ⁵⁸ Юшко А. А. Указ. соч. С. 19; История крестьянства в Европе. Т. 2. М., 1986. С. 252.
- ⁵⁹ Джованни дель Плано Карпини. История Монгалов // Джованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрк. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 46-47.

Мамяченков В.Н.

Уральский гуманитарный институт (Екатеринбург)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА 1930-Х ГОДОВ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ПОПЫТКА АНАЛИЗА

Видимо, вряд ли кто будет отрицать прямую связь между условиями жизни человека и, как говорят демографы, ее средней ожидаемой продолжительностью. Не секрет, что по этому показателю Россия в

настоящее время значительно отстает от развитых стран. Напомним достаточно известные цифры: среднестатистический россиянин живет 59,8 года, а россиянка – 72,2 года¹ (в Японии для сравнения соответствующие цифры составляют 77,0 и 84,0 года). Поэтому, хотя усредненный бесполоый россиянин живет что-то около 66 лет, это уже не производит впечатления, так как по продолжительности жизни женщин наша страна находится на сотом месте, а по аналогичному показателю у мужчин – на сто тридцать четвертом² (!).

Каким был этот показатель в бывшем СССР теперь уже трудно сказать: слишком велико наше недоверие к официальной советской статистике и всему, с ней связанному. Известно также, что вопросы, связанные с народонаселением, советская статистика не жаловала своим вниманием. Как правило, в официальных документах фигурировали цифры, характеризующие лишь стремительный рост численности городского населения и, прежде всего, пролетариата. Согласно господствовавшей тогда идеологии, крестьянству не оставлялось места в грядущем бесклассовом обществе. В том, что, например, сталинский режим тщательно избегал объективных исследований и публикаций в области народонаселения, можно убедиться, если внимательно изучить первое издание Большой Советской Энциклопедии. При этом нетрудно обнаружить, что в ней на букву «Н» вообще нет статей под названиями «Население» и «Народонаселение». И только в завершающем это издание томе, появившемся на свет в 1947-м году и посвященном целиком бывшему Советскому Союзу, была, наконец, опубликована соответствующая статья³. При этом в ней ни слова не говорится о переписи населения 1937-го года, а приводятся данные только по переписи 1939-го года. Как известно, результаты первой из упомянутых переписей не устроили сталинское руководство тем, что по ним слишком явно были видны огромные людские потери, которые понесла страна в 1930-е годы. Поэтому ее результаты были аннулированы, а организаторы подвергнуты репрессиям⁴.

Но нас интересует другой аспект вышеупомянутой связи между качеством жизни и ее продолжительностью, а именно: как отразились материальные условия жизни на общей численности сельского населения. Общеизвестно, что отток населения из села не прекращался все годы правления коммунистического режима и главной причиной этого были прежде всего значительно худшие по сравнению с городскими условия жизни. Нельзя, однако, не признать, что были и другие причины и что вообще-то не большевики-ленинцы инициировали процесс урбанизации. Другое дело, что они довели его до абсурда, заставив огромные массы сельского населения буквально в панике бежать в города, обеспечивая уродливо разрастающуюся промышленность (прежде всего – ее военно-промышленный комплекс) дешевой рабочей силой. Если верить тому же первому изданию БСЭ (а это, на наш взгляд, тот редкий случай, когда ему все-таки можно верить), то городское население СССР с 1926-го по 1939-й годы (менее чем за полтора десятка лет) выросло с 26,3 до 55,9 млн. человек, то есть на 29,6 млн. человек или на 112,5%. Для сравнения: в США с 1900-го по 1930-й годы оно выросло с 30,4 до 69,0 млн. человек (на 127%), в Великобритании с 1871-го по 1931-й годы – с 14,0 до 32,0 млн. человек (на 128%) и во Франции с 1866-го по 1931-й годы – с 11,6 до 21,4 млн. человек (на 84%)⁵. Что и говорить, темпы роста городского населения в СССР были просто впечатляющими! Но что за ними стояло?

В.П. Попов в своей монографии поставил очень интересный вопрос: когда же стало сокращаться сельское население России? Правда, от аргументированного ответа на этот вопрос сам автор уклонился, ограничившись лишь ссылкой на официальный документ, согласно которому численность сельского населения СССР за 1950-й год уменьшилась на 450 тыс. человек, а по Российской Федерации в относительных цифрах – на 1%⁶. Видимо, надо понимать это как недвусмысленный намек автора на то, что процесс обезлюдивания деревни начался именно в рассматриваемый нами послевоенный период. Но если это намек, то надо признать, что он основан только на одном упомянутом факте, а это нельзя называть научным подходом к данной проблеме.

Если же мы обратимся к конкретным цифрам, характеризующим динамику численности сельского населения, например, Урала, то увидим, что она была непостоянной (см. табл. 1). Можно, по крайней мере, утверждать, что результирующая этой численности в послевоенный период (1946-й – 1960-й гг.) не только не снижалась, но имела тенденцию к увеличению во всех областях и республиках Урала (за исключением Оренбуржья, где к 1959-му году численность сельского населения снизилась по сравнению с 1946-м годом на 5,0%). В то же время во всех остальных территориях увеличилась: в Курганской области – на 5,4%, в Пермской – на 7,9%, в Удмуртии – на 12,4%, в Свердловской – на 21,4%, а в Челябинской – даже на 35,8% и превысила довоенный уровень.

Снижаться численность сельского населения стала позже, уже в 1960-е годы (за исключением Челябинской области). При этом нельзя не заметить, что именно в этой области динамика численности сельского населения вообще трудно поддается какому бы то ни было логическому объяснению: в 1996-м году она составила там примерно ту же цифру, что и в 1939-м! Чтобы разгадать этот феномен, необходимо, конечно, провести тщательный анализ статистики движения населения. Пока же рискнем предположить, что в основе столь необычной динамики лежат три фактора: во-первых, благоприятные природно-климатические условия; во-вторых, сложившийся достаточно устойчивый уровень сельского хозяйства;

и, в-третьих, миграция населения из соседних территорий, прежде всего – из Башкирии. Если же выйти за пределы Уральского региона и оценить ситуацию по тогдашней РСФСР в целом, то мы увидим, что численность ее сельского населения постепенно снижалась в течение всех послевоенных лет. Причем особенно интенсивно, можно сказать – лавинообразно, этот процесс происходил в «застойные» 1970-е годы.

Таблица 1

Динамика численности сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны и в послевоенный период (тыс. чел.)

Республики, области	Годы							
	1939	1941*	1946	1950	1959	1970	1979	1996
Башкирия	2618	2632	1933	1944	2060	1979	1662	1446
Удмуртия	902	908	662	689	744	609	518	496
Курганская	879	-	637	616	671	621	533	501
Оренбургская	1292	1226	1058	957	1005	962	829	801
Пермская	1258	1252	1136	1047	1226	993	787	708
Свердловская	1056	1017	801	811	970	835	667	581
Челябинская	693	1700**	520	556	703	726	648	690

* На 01.12.1941 года.

** Вместе с Курганской областью.

Источники: Анимица Е.М. Весь Урал. Справочник. - Екатеринбург, 1996. - С.12; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. -М., -Т.1. -С.30, 32; Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941-1945гг.). – Свердловск, 1990. - С.30; Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941-1950). – Свердловск, 1993. - С.75; Российский статистический ежегодник. -М., 1996. – С.22, 23, 712.

Но попробуем все-таки ответить на вопрос, поставленный В.П. Поповым. При этом ход наших рассуждений можно представить следующим образом. Если взять данные о численности сельского населения царской России в последние 20 лет ее существования, то мы увидим, что она возросла с 57,6 млн. человек в 1897-м году до 74,2 млн. человек в 1914-м году.⁷ В то же время по переписи 1926-го года эта цифра составляла 76,3 млн. человек, то есть все-таки больше, чем до первой мировой войны, несмотря на огромную убыль населения в этой и последующей гражданской войнах. Но уже по переписи 1937-го года она снизилась до 69,6 млн. человек⁸. И хотя до Великой Отечественной войны численность сельского населения увеличилась еще примерно на 2,6 млн. человек⁹ (что вызывает определенные сомнения из-за отношения к переписи населения 1939-го года: они, судя по всему, были завышены), она так и не сравнялась с той, что была в России в конце 1920-х годов. Получается, что за одиннадцать лет (с 1926-го по 1937-й) численность населения российской деревни уменьшилась на 6,7 млн. человек.

И это только чистая убыль данной категории населения, тогда как в действительности численность погибших от голода, лишений и репрессий в ходе коллективизации и покинувших деревню и ушедших в город должно было быть значительно большим, чтобы перекрыть превышение рождаемости над естественной смертностью и дать такой огромный прирост численности городского населения. Между тем, если исходить из того, что естественный прирост населения в довоенные годы составлял 1,32%¹⁰, то численность сельского населения России должна была составить в 1937-м году 87,3 млн. человек, то есть должна была быть больше, чем в 1926-м году, на 11,0 млн. человек. А так как в действительности, как мы отметили выше, в 1937-м году она составила 69,6 млн. человек, то разница между, как говорят экономисты, «планом» и «фактом» составит 17,7 млн. человек. Это и будут потери сельского населения России помимо естественной смертности. Еще раз оговоримся, что речь идет только о потерях за счет повышенной смертности – прежде всего от голода и ушедших в город. Сюда – и это очень важный момент – не входят крестьяне, высланные в другие районы страны, так как они, конечно, фигурировали в переписи по-прежнему как сельские жители.

Далее можно, на наш взгляд, рассчитать численность погибших от голода, лишений, болезней (в рамках превышения над естественной смертностью) и уничтоженных в ходе репрессий. Для этого надо взять прирост численности городского населения за данный период и отнять ту его часть, которая образовалась за счет естественного прироста. Это достаточно спорный момент, так как удельный вес городского населения России в промежутке с 1926-го по 1937 годы изменился с 17,8 до 33,0%¹¹. Соответственно этому менялся и ежегодный прирост. Если мы возьмем среднее арифметическое этих значений – 25,4%, то получим, что в России естественный прирост городского населения за одиннадцать лет составил примерно 4,5 млн. человек. А так как по России увеличение городского населения за тот же период составило 17,9 млн. человек¹², то, следовательно, приток сельских жителей в город за указанный период составил разницу этих цифр, то есть 13,4 млн. человек. И, наконец, отняв последнюю цифру суммы потерь, превысивших уровень естественной смертности (17,7 млн. человек), мы получим искомую численность

погибших в России крестьян за эти страшные одиннадцать лет от голода, лишений и в ходе репрессий: 4,3 млн. человек.

Продемонстрированную нами выше методику, естественно, можно применить и для всего СССР в целом. При этом будем исходить из того, что численность его городского и сельского населения по переписям 1926-го и 1937-го годов составляли соответственно 26,3 и 120,7 млн. человек¹³ и 53,1 и 108,9 млн. человек. Последние две цифры можно рассчитать, зная удельный вес городского населения, который в 1939-м году составлял 32,8%¹⁴ и, как мы полагаем, составлял примерно ту же цифру и в 1937-м году. Так как в 1926-м году он был равен 17,9%¹⁵, то, как и при расчетах по сельскому населению России, будем использовать среднее арифметическое этих значений – 25,4%. Естественный прирост населения в довоенные годы оставим тем же – 1,32% в год.

Рассуждая аналогичным образом, получим, что при обычном уровне смертности сельское население СССР в 1937-м году должно было увеличиться на 17,4 млн. человек и составить 138,1 млн. человек, а фактически составило 108,9 млн. человек¹⁶. Разница между этими цифрами – 29,2 млн. человек – составляет потери сельского населения помимо естественной смертности. Прирост же городского населения за указанный период составил, как это видно из вышеприведенных цифр, 26,8 млн. человек, при том что естественный его прирост должен был составить 6,8 млн. человек. Следовательно, приток сельских жителей в города СССР составил за тот же период 20,0 млн. человек. Отняв эту цифру от численности потерь, превышающих естественную смертность, получим численность погибших в Советском Союзе крестьян от голода, лишений и в ходе репрессий: 9,2 млн. человек.

Теперь можно подвести итоги, сведя все имеющиеся и полученные данные в таблицу.

Таблица 2

Исходные и полученные данные к расчету численности потерь сельского населения СССР и России в 1926-м – 1937-м гг. (млн. чел.)

	Численность населения в 1926 г.		Численность населения в 1937 г.		Возможная численность в 1937 г.	Общие потери, превысившие естественную смертность	Приток сельского населения в городах	Численность погибших помимо естественной смертности
	Городское	Сельское	Городское	Сельское				
СССР	26,3	120,7	3,1	108,9	138,1	29,2	20,0	9,2
Россия	16,4	76,3	34,3	69,6	87,3	17,7	13,4	4,3

Источники: БСЭ. Том «СССР». –М., 1947. –С.62; Российский статистический ежегодник. –М., -1996. –С.37; Соколов Б.В. Цена Победы. –М., -1991. –С.14 (расчеты автора).

Эти невероятные цифры потерь российской и советской деревни в те уже далекие от нас годы лишний раз доказывают неопровержимый факт: то, что не смогли сделать мировая и гражданская войны вместе взятые, сделали сталинские коллективизация и индустриализация. По нашим расчетам получается, что за указанный период времени численность сельского населения СССР уменьшилась на одну десятую часть, то есть в эти годы она сокращалась невиданными темпами: почти на миллион человек в год! Аналогичный показатель по России также впечатляет: около 600 тысяч человек. Вот он, кошмар коллективизации и индустриализации в бесстрастном цифровом изложении. По мощи своего воздействия и сокрушительным последствиям для генофонда страны эти два «мероприятия» вкупе с политическими репрессиями вполне можно сравнить с последствиями разразившейся позже Великой Отечественной войны.

При внимательном рассмотрении данной таблицы, естественно, возникают вопросы. Например, чем объясняется тот факт, что сельское население России, составлявшее примерно 2/3 крестьянства СССР, дало менее половины его потерь? На наш взгляд, этот факт косвенно только подтверждает правильность приведенных выше расчетов, так как значительная часть из этих девяти миллионов погибших – это жертвы ужасного голода 1932-го – 1933-го годов, который в наибольшей степени поразил Украину. При этом число погибших на Украине по некоторым данным составило не менее 4,5 млн. человек. Такую цифру называет, например, Б.В. Соколов, ссылаясь при этом на результаты работы специальной международной комиссии по расследованию голода тех лет на Украине. Кроме того, он же приводит цифру погибших от голода в Казахстане – 1,7 млн. человек¹⁷. Поэтому и потери российского крестьянства оказались меньшими, чем это можно было ожидать. Впрочем, понятия «меньше» и «больше» приобретают особое звучание, когда речь идет о гибели миллионов людей...

Другой и, наверное, самый главный вопрос – это вопрос о достоверности данных, использованных нами при расчетах, и допущенных при этом погрешностях. Понятно, что, когда идет речь о таких масштабных событиях в истории нашей страны, то произвести расчеты с высокой степенью точности не представляется возможным. Поэтому, естественно, что приведенные выше расчеты содержат определенные погрешности, особенно там, где мы использовали усредненные данные за ряд лет. Но, как нам представляется, в целом эти расчеты достаточно объективно отражают ситуацию с народонаселением страны (прежде всего – крестьянским) в указанный период.

Таким образом, на вопрос, поставленный В.П. Поповым, мы бы ответили так: **российская деревня (как и советская деревня вообще) стала вымирать именно в 1930-е годы**, когда она была принесена в жертву во имя продления существования тоталитарного режима. О том, что катастрофическая, невосполнимая убыль сельского населения, произошла именно тогда, а не позднее (как предположил В.П. Попов), говорят все приведенные нами выше цифры. Данный пример служит, на наш взгляд, наглядной иллюстрацией того, как опасно делать скоропалительные выводы на основе пусть и достоверных, впечатляющих, но отрывочных данных.

На основании изложенных выше расчетов и рассуждений можно, на наш взгляд, уверенно сделать вывод, что **в конце 1920-х и в 1930-е годы в нашей деревне произошла непоправимая демографическая катастрофа**. Причем необходимо подчеркнуть, что катастрофа эта была, как говорят, техногенного свойства, то есть явилась следствием деятельности людей. В данном случае имела место сознательная политика советского государства, направленная на ликвидацию крестьянина - хозяина своей земли и орудий труда, крестьянина - производителя, а следовательно, крестьянина - независимого гражданина своей страны. Методы реализации этой политики были абсолютно уголовными, и среди них на первом месте стоял террор. Загнанное в угол бесправием, изможденное голодом, обкрадываемое налогами российское крестьянство бросилось в города... Государство же своей политикой фактически вынуждало крестьян становиться городскими жителями. В этом свете многое объясняет высказывание Сталина, сделанное им в июле 1934 года на совещании по вопросу о коллективизации: «У нас страна колхозная. Если колхознику дать вполне достаточную обеспеченность, то он никуда на завод не пойдет...»¹⁸. Подводя итоги такой аграрной «политики» советского государства, известный политический деятель А.Н. Яковлев писал: «Деревня порушена. Если раньше было аграрное перенаселение, то сейчас – урбанистское»¹⁹.

Конечно, было бы неверным утверждать, что репрессии, лишения и голод коснулись только сельского населения. Конечно, нет. Все эти «прелести» тоталитарного коммунистического режима испытали на себе и горожане. Кстати, необходимо упомянуть, что имел место и обратный поток – из города в сельскую местность. Это прежде всего осужденные к высылке, то есть люди, которым было запрещено проживание в Москве и крупных промышленных центрах. Счет им шел на сотни тысяч, и это еще более усугубляет общую картину, увеличивая количество «коренных» жителей села, покинувших его в эти годы. Но все-таки жители городов находились в более выгодном положении: в городах было все-таки какое-то организованное снабжение продовольствием и промтоварами; условия жизни, труда и отдыха были более комфортными по сравнению с деревней. Так, если колхозники практически не получали денег за работу в колхозе, то средняя заработная плата промышленного рабочего в 1933-м году составляла 125 рублей²⁰. А самое главное – режим не эксплуатировал рабочих и служащих так бессовестно и цинично, как крестьян, которые после введения в 1932-м году паспортной системы стали фактически государственными крепостными. В сравнении с ними жители городов были «полукрепостными», так как невозможно быть свободным в стране, попирающей все человеческие права и свободы, принятые в цивилизованном обществе. Труд городских жителей был нормирован: они имели паспорта.

При этом нельзя сказать, что Сталин и его приспешники не представляли себе истинных масштабов творимых ими злодеяний. В доказательство этого можно сослаться на воспоминания У. Черчилля, которому в 1942-м году «вождь народов» в доверительной беседе сообщил, что при проведении коллективизации были подвергнуты репрессиям 10 миллионов крестьян: «Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области, или в Иркутской, или еще дальше на север (выделено нами – В.М.), но основная часть их была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками». У. Черчилль был потрясен этими словами. «Я...помню, какое сильное впечатление на меня...произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются», - так завершает он описание этой сцены²¹. Здесь уместно напомнить, что все, лично знавшие Сталина, отмечали его способность запоминать и при необходимости приводить наизусть множество самых разных фактов и цифр из области истории, экономики и политики. Поэтому, как нам представляется, цифра в десять миллионов человек была названа им не случайно: палач всех времен и народов знал хотя бы приблизительно число своих жертв. И эта цифра, как мы показали выше, подтверждается расчетами.

Можно сослаться также и на А.Н. Яковлева, который оценивает общее количество репрессированных в 1930-е годы (и горожан, и крестьян) цифрой «...более 10 миллионов человек»²². Наконец, надо отметить, что рассчитанные нами данные о потерях сельского населения в общем совпадают с данными исследований Б.В. Соколова, который оценивает численность погибших только от голода в СССР в 1930-е годы примерно в 8 млн. человек плюс-минус один-два миллиона²³. Да, это были именно миллионы людей. Миллионы, переселенные порой в совершенно необжитые районы и погибшие там от жестоких лишений. И миллионы других, бежавших в города в надежде спастись от репрессий и голодной смерти. Таким образом, чудовищный эксперимент над собственным народом, каковым стала коллективизация крестьянства, явился прологом к вымиранию российской деревни. Доколлективизационные, 1920-е, годы так навсегда и остались годами наивысшей численности крестьянства в нашей стране.

¹ Аргументы и факты. №1. 2001; Областная газета от 29.08.2000.

- ² Российская газета от 05.01.2001.
- ³ БСЭ. Том «СССР». М., 1947. С.50.
- ⁴ Вестник статистики. №6. 1990. С.66.
- ⁵ БСЭ. Том «СССР». М., 1947. С.63.
- ⁶ Попов В.П. Крестьянство и государство. Париж, 1992. С.111.
- ⁷ В современных границах. См. Российский статистический ежегодник. М., 1996. С.37.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Соколов Б.В. Цена Победы. М., 1991. С.14.
- ¹¹ Российский статистический ежегодник. М., 1996. С.37.
- ¹² Там же.
- ¹³ БСЭ. ТОМ «СССР». М., 1947. С.62.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Российский статистический ежегодник. М., 1996. С.37.
- ¹⁷ Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). СПб., 1998. С. 307.
- ¹⁸ Кулешов С.В. и др. Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т.2. С.276.
- ¹⁹ Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль. 1994. С.283.
- ²⁰ Кулешов С.В. и др. Указ. соч. М., 1991. Т.2. С.278.
- ²¹ У. Черчилль. Вторая мировая война. Ростов н/Д. 1997. С.314.
- ²² Яковлев А.Н. Указ. соч. Ярославль. 1994. С.166.
- ²³ Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). СПб., 1998. С.307.

Печура О.В.

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург)

ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ: КРИТЕРИИ И ИНДИКАТОРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Стратегия развития региона подразумевает определение и оценку альтернативных путей достижения поставленных целей и выбор одного из этих вариантов для дальнейшей реализации. Для разработки стратегии развития региона необходима показательная система критериев и индикаторов, охватывающая все стороны функционирования региональных систем и базирующаяся на достоверной, сопоставимой, рассчитанной на единой методологической основе базе статистических данных. Целью нашего исследования является установление критериев мониторинга и диагностики состояния региональной экономико-демографической ситуации как основной территориальной составляющей. Экономико-демографические процессы рассматриваются нами в качестве пространственной формы интеграции экономической и демографической ситуаций, формирующейся под прямым, а также опосредованным воздействием внешних и внутренних факторов (причин и условий макроэкономического характера, влиянием других региональных систем и сфер).

Особое значение при изучении региональной экономико-демографической ситуации приобретает вопрос о критериях ее оценки. Под критерием вообще понимается признак, положенный в основу классификации предметов или явлений, на основе которого производится оценка чего-либо (мерило оценки). Критерием оценки региональной экономико-демографической ситуации будет являться, по нашему мнению, главный признак или совокупность признаков, под углом зрения которых дается окончательная оценка достигнутого уровня и динамики экономико-демографических процессов и отношений в конкретных территориальных пределах.

Нами сформулированы интегральные, комплексные и частные критерии оценки региональной экономико-демографической ситуации (см. рис. 1). Интегральный критерий определяет состояние региональной экономико-демографической ситуации в целом, комплексный критерий позволяет выделить и оценить ее основные структурные элементы, а частный критерий отражает только отдельно взятый экономический или демографический процесс.

За комплексный критерий экономической составляющей региональной экономико-демографической ситуации нами принимается уровень доходов и расходов населения региона, а за комплексный критерий ее демографической составляющей – смертность населения региона.

Необходимость выбора именно этих элементов в качестве критериев оценки экономической и демографической частей региональной экономико-демографической ситуации обусловлена тем, что, по нашему мнению, уровень доходов и расходов населения региона количественно определяет совокупный объем товаров и услуг материального и нематериального характера, которыми располагает отдельный человек, семья или социальная группа, а также все население в рамках конкретной территории, т.е. пока-